

Федор Гиренок

**По ту сторону языка
и инстинкта**

Введение

Инстинкт – это природа, ее ум. Язык – это социум, материя различий. А что там, по ту сторону природы и социума? По ту сторону находится предельность состояний, именуемая аутизмом, то есть зависание между природой и социумом, с одной стороны, и воображаемым – с другой. Событие зависания определяется трансгрессией за пределы внешних детерминаций и одновременно остановку перед возможностью внутренней детерминации. Не различие человека и вещи составляет смысл аутистического зависания, называемого в философии апатией, атараксией, скепсисом, безразличием. Как попасть по ту сторону добра и зла? Нужно, говорит Ницше, научиться сопротивляться привычкам мышления и привычкам чувства.

1

Что такое философия?

Философия – это то, при помощи чего меньшинство отделяет себя от большинства людей, отмахиваясь от них как от назойливых мух. Философия – это граница между большинством и меньшинством. Как эта граница устанавливается? Очень просто. Вот пример. Мы смотрим на чашку. Что мы видим? Чашку. А что видит философ? Чашечность. Чтобы увидеть чашку, достаточно иметь глаза. А чтобы увидеть чашечность, нужно, скажет философ, иметь ум. Как только исчезает различие между меньшинством и большинством, исчезает и философия.

Философию придумали умные люди, которые не принадлежали к большинству, у которых не было своего места в мире. Поэтому умные люди всегда неуместны и несвоевременны.

Маргиналы

Философ – это, прежде всего, иммигрант, «лимитчик», гастарбайтер. Он всегда не местный. Он приехал откуда-то со стороны, из другого мира. Например, из Малой Азии в Грецию, как Анаксагор, которому в Афинах было ничто не мило, ничто не дорого. Для

всех греков солнце – это бог, для Анаксагора – это камень. Понятно, что греки прогнали Анаксагора из Афин, и он умер.

Философ ни к чему не привязан, ничего не ценит, ко всему относится критически. Его не устраивают ни местные боги, ни местные традиции, ни местные власти. Философия – это всегда взгляд другого, взгляд со стороны, из иного мира. В нем, как у Гераклита, нет ни сочувствия к людям, ни сопереживания, но есть любопытство.

Философ – эстет, метафизик, а философия с самого начала является потусторонним взглядом на привычное, на близкое. Сократ, ученик Анаксагора, хотя и был из местных, но вел себя как философ, то есть как чужестранец, как посторонний, разрушая мир подручного, обжитого, конечного. За это, да еще и за высокомерное поведение в суде, его и убили.

Никто не знает, оплакивала ли его Ксантиппа или нет, но к философии она не имела никакого отношения.

Почему у философии неженское лицо?

Неженское это дело заниматься философией. Почему неженское? Потому что философия рождается в обожающем взгляде, который бросает один мужчина на другого. Философы – это люди лунного света. У них то, что они чувствуют, растворяется в том, что

они видят. Тогда как у всех нормальных людей видимый мир растворяется в мире переживаемом.

В момент, когда философия начинает рождаться в обожающем взгляде женщины, бросаемом на мужчину, тогда начинается деградация философии. И мужчина, как Ориген, должен оскопить себя, чтобы остаться философом.

Если взгляд обожания бросает на женщину мужчина, то от этого взгляда рождается не философия, а дети. Обожание между женщинами ни к чему не ведет. В нем ничего не рождается, кроме техники овладения телом. Но овладеть техникой – не значит совершить поступок.

Поступок

Философия – это поступок. Поступать – означает самого себя класть в основание цепочки причин и действий. Только маргиналы могут представлять философию как личностный акт, как поступок, ибо только они, вступая в конфликт с традицией, могут класть себя в основание причинных цепей.

Если философия – это поступок, то философ – это не профессор в очечках, а киник или юродивый. А это значит, что в пространстве философии пульсирует асоциальная по своей природе энергия, заставляющая философа выходить за пределы, переступать нормы, то есть быть как бы социальным преступником. Философия вообще является социально приемлемым

видом интеллектуального юродства. Киник Антисфен говорил, что лучше быть животным, чем человеком, а также, что лучше быть варваром, чем эллином.

Сегодня философ – это не философ, а актуальный художник, акционист, устроитель перформансов. Это группа «Война» или Кулик и «Синие носы». Но перформанс – это не поступок, у которого есть следствия, а эпатаж, пощечина общественному вкусу. А это значит, что современные философы существуют за пределами философии. Тем самым мы имеем двойной разрыв в виде философии без философов и философов без философии.

Мыслитель

Традиционно философ понимается не как киник, а как платоник, то есть как мыслитель, а философия – как мышление. Философы – это мыслители. Они, – говорит Хайдеггер, – называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии. Мыслитель – это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое, отвечая на вопрос: что это? И почему это, а не то?

Например, мы хотим понять, почему люди тоскуют, почему они не могут жить без тоски. Мы идем за помощью к ученому. Ученый, отвечая на этот вопрос, непременно расскажет что-нибудь об устройстве нейродинамических структур мозга. Но этот рассказ мы

не можем сделать фактом своей сознательной жизни. И тогда мы идем к философу. Философ не пойдет по следам ученого, ибо ученый, на его взгляд, не мыслит. Он испытывает природу. Философ же мыслитель, то есть он, следуя за Декартом, скажет, что все дело в добре и зле, в том, что добро субстанциально, а зло функционально. То есть добро может существовать без зла, а зло без добра – не может. А это значит, что нельзя провести ясную границу между добром и злом. И, выбрасывая зло, нам приходится вместе с ним выбрасывать и добро. Вот об этом добре и тоскует человек. Этот рассказ расширяет наше сознание, хотя мы не узнали из него ни что такое добро, ни что такое зло.

Мышление – это логически упорядоченные грезы, путешествие воображения в то, что может оказаться истиной.

Тайна мышления

Тайна – это не секрет, который мы знаем, но о котором мы никому не говорим. Тайна – невыговариваемое в речи, то, что принуждает нас к речи, но речью не является.

Когда мы говорим о тайне мышления (а мышление – это тайна), то говорим о невыговариваемом в мышлении, о немислимом, о том, что принуждает нас к мысли, но само мыслью не является.

Что же в мышлении есть такого, что не выговаривается в нем? Может быть, тайна мышления в

восприятия? Что же такое восприятие? Хайдеггер полагает, что воспринимать – значит замечать присутствующее. Но заметить присутствующее – это еще не значит мыслить. В противном случае, баран, заметивший стог сена, оказался бы настоящим мыслителем.

Может быть, воспринимать – значит другое, а именно: изъять себя из состава наличного, из порядка того, что не скрывает своего присутствия. И действительно, в нашем «я» отражается весь мир, но в этом мире нет «я», то есть в нем есть какая-то дыра, какой-то изъян. И это меняет представление о восприятии, ибо мы воспринимаем не потому, что нечто присутствует, а благодаря тому, что нечто изъяло себя из мира. Конечно, мы можем воспринимать и то, что отсутствует. Например, мы не видим своего друга среди присутствующих в кафе. Но его отсутствие – это не дыра в мировом порядке, ибо он присутствует в другом месте.

Что же изымает себя из состава бытия, чтобы воспринять его в качестве присутствующего? Изымает себя наше «я». «Я» – это изъятие себя из того, что присутствует. Изъятое из мира «я» является грезой. Грезящий человек не является вещью среди других вещей или, что то же самое, мышление и бытие не одно и то же. Мыслить – значит изымать себя из состава сущего. Изъятие «я» позволяет миру открыться для восприятия.

Грезы дают нам возможность мыслить, то есть они дают нам то, что уже имеют в себе. И в этом смысле мыслить значит грезить. Грезы не создаются нами. Они приходят к нам, не основываясь на представлениях о вещах, предъявляя нам то, чего нет в мире. Движение к предметности начинается с беспредметной грезы, которая, овладев телом, впервые являет себя миру в самоаффектации.

В самоаффектации я не говорю, что пришла весна. Я улыбаюсь, я беспричинно рад. Я радуюсь радости. Моя радость имеет причину во мне. Но чувство радости не перестает быть чувством, хотя оно и связано с тем, что пришла весна. Это чувство не подлежит проверке в терминах истины и лжи. И только в момент, когда я понимаю, что весна пришла не потому, что я рад, и не для того, чтобы обрадовать меня, я начинаю мыслить, то есть полагать содержание радости (то, что весна пришла) в качестве объекта, от радости не зависящего. Теперь радость и весна – это два разных события. «Пришла весна» – это уже суждение предметное, подлежащее проверке на истину и ложь. Так совершается то, что называется мышлением, тайна которого всегда коренится в грезах.

В русской философии тайна мышления связывается с теорией сердечного человека. Суть этой теории И. Киреевский формулирует так: «что есть в сознании и чего нет в чувстве, то – ложь данного человека».

Мышление только тогда становится точным, когда в нем совпадает чувство и сознание.

Двойная непрозрачность философии

Философское мышление обладает двойной непрозрачностью. Она непонятно большинству. А после того, как оно стало непонятно большинству, оно становится непонятно и самим философам, ибо их мысли сегодня куда-то улетучиваются, а слова остаются, и эти слова ничего не говорят о мысли. Поэтому все упования современных философов на то, что их непонимание может вдруг оказаться светоносным.

Если философия – это пространство свободного мышления, если это путешествие в мир ненаблюдаемых сущностей, то философ – это метафизик, то есть человек, который утратил связи с сознанием повседневности. Философия как метафизика никого лично не касается. И поэтому она подлежит забвению.

Утешение

Чтобы не попасть в список того, что забывается, философия должна отречься от метафизики, а философ должен объявить себя антиметафизиком, то есть тем, кто хочет вернуть сознание в мир обжитого, конечного. Для этого ему, как блудному сыну, нужно объясниться со своими родителями, то есть со здоровым смыслом.

Но если философия перестает быть метафизикой, то тогда ее нужно понимать как утешение, а философа – как утешителя, который практикует субъективирующее мышление. То есть что он делает? Он переводит униженных и оскорбленных из одного состояния в другое, в котором они забывают о том, что унижены и оскорблены. Люди, как дети. Философ – это взрослый, который всегда может сказать детям: смотрите, птичка пролетала. И дети будут смотреть, забывая о боли и страданиях. Тем самым философия становится коллективной психотерапией.

Овод

Философия как утешение – это цветок, из недр которого неохотно выползает философ-шмель, философ-овод. Оказывается, философия не столько утешает, сколько кусает и больно жалит. Она припекает и обжигает. Она не дает спуска никому: ни обывателю, ни ученому, ни священнику, ни самой себе. В философии есть что-то садистское и мазохистское. Поэтому философа никто не любит. Он одиночка. Анахорет. Человек пещеры. По словам Антисфена, человеку пристало жить без общины, без дома, без отечества. Социум преследует философа. Философ отвечает миру взаимностью. Он не любит людей, и особенно не любит политиков, которые присвоили себе такого монстра, как социум.

Философия – это способ, которым маргинал, одиночка, шизофреник и аутист мстит социуму. Протагор расшатывал социум своей софистикой. Социум сжигал его книги на площадях и прогонял его из Афин. Поскольку социум – это массы, связанные языком, постольку философия расшатывает язык, расплавляет смыслы и значения слов. В результате слабеют социальные цепи, ослабляется власть политиков. Если не расшатать вяжущие связи языка, то нельзя освободить свое уже-сознание. А без уже-сознания люди – социальные куклы. Если язык укрепляет социальные связи, то сознание расшатывает их, обнаруживая зыбкость человеческого существования. Философия расплавляет смыслы в безнадежной попытке извлечь новый смысл, затрудняющий превращение человека в марионетку.

Философ не любит рассуждать о языке своей философии. Он не интересуется познанием познания. Философ – делосский ныряльщик, а не рефлексун. Ему нужно достать со дна моря жемчуга смыслов, а не наблюдать за рефлексивной рябью поверхности мысли.

Непослушание философа

Как ни странно, философия, будучи любовью к мудрости, не любит ум. Почему? Потому что ум нужен всегда другому. Другой выращивает в нас ум для того, чтобы сделать нас послушными. То есть быть умным –

значит быть послушным. Философия не хочет, чтобы мы были послушными. Она помогает нам все делать так, чтобы в нас ничто не проникало без нашего на то согласия. Она дает нам ту меру безумия, которая позволяет нам оставаться такими, какие мы есть. А мы всегда уже есть такие, какими мы еще только хотим стать.

Ум сопряжен с политикой, с выстраиванием пространства послушания. Политики используют ум для того, чтобы задним числом оправдать те глупости, которые они делают. Философия приучает нас слушать вне горизонта послушания.

Преподаватели философии

Помимо политиков потребность в уме испытывают преподаватели философии. Любой преподаватель – это политик, ибо он нуждается в послушании. Его философия – это учебники по философии. Учебники – это то единственное, что не может тебя укутить, задеть, и одновременно то, что нельзя расшатать и расплавить, то есть нельзя вернуть философии, офилософить.

Пастиш

В любом современном философском тексте можно найти следы другого текста. А это значит, что тождественность текста самому себе не гарантирована авторской подписью. Сен-Симон, присваивая тексты

Конта, не разрабатывал стратегию апроприации. А Гегель, которого Шеллинг подозревал в подражании своему стилю, не имел склонности к применению техники палимпсеста. Что бы Гегель не писал, через его тексты проступал не Шеллинг, а Гегель, равно как в текстах Маркса проступал не Фейербах, а Маркс.

Современный философский текст – это лоскутное одеяло, сшитое в апроприативной технике. В нем есть неотмеченные цитаты, пересказы, референции, аллюзии и отмеченные цитаты.

Плагиат выступает сегодня в благородной форме пародии и в стиле пастиш, как подражание мастеру. Ирония покровительствует откровенной эксплуатации ранее найденных философией схем мысли. В ней под видом отрицания существует утверждение. И наоборот. Какой бы текст философ не написал, в нем обязательно проступит уже кем-то написанная фраза: например, «бытие определяет сознание». Так действует философский палимпсест.

Паталогоанатомы

Философия – это не история философии. Историки – это паталогоанатомы философии. Всякая философия умирает, если она перестает плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами, своими метафорами и абсурдом. А это значит, что сегодня философы не мыслят сами. Они могут только переживать заново те мысли, которые ранее были помыслены. А

поскольку помысленные мысли на дороге не валяются, постольку их надо как-то добывать, находить, то есть реконструировать. А это уже дело эксперта.

Экспертиза

Современная философия – это экспертиза. А экспертиза по своему существу есть нечто бесполое. Поэтому сегодня философы не являются ни мужчинами, ни женщинами. Они являются экспертами, гуманитарными технологами.

Если философия – это экспертиза, то она не может быть личностным актом, поступком. Эксперт не может положить себя в основание нового ряда явлений, так как для этого ему нужны еще одни основания., которые ведут к дурной бесконечности. Он не маргинал. Философия эксперта – это философия без поступка. А философия без поступка – это просто болтовня, языковое неистовство, отношение к объекту, не опосредованное отношением к самому себе.

Эксперт даже не мыслитель, ибо он глух к шагам тавтологий в пространстве мысли.

Шаги тавтологий

Философия – это имена. А каждое имя – это сжатая пружина смысла, энергия стиля. В философии есть ритм, и нет проблемы начала. Философ может начинать с чего угодно и говорить о чем угодно. Но его

язык всегда будет непреднамеренно тавтологическим, то есть пустым. Например, прекрасное, согласно Платону, прекрасно благодаря прекрасному. Эта пустота не просто пустота, она, как «Черный квадрат» Малевича, полна и плодотворна. В любой философии слышны шаги тавтологий. Они слышны, например, в определении понятия субстанции. «Под субстанцией, – говорит Спиноза, – я разумею то, что существует само в себе и представляет само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться». Так возникает философский дадаизм.

Тавтологии очаровывают. В них есть дробь барабана, монотонный повтор и невозможность найти аналог повторяемому. «Я» – это всегда «я», и найти замену «я» невозможно. Но не всякая тавтология является философской. Если я говорю, что дом – это дом и больше ничего, то я лукавлю, ибо в доме может быть гостиница, столовая, пристройка. Если я говорю о добре, то я имею в виду, что добро – это добро, и больше ничего в нем нет. Для всякого дома найдется причина. Для добра нет причины. Повторение того, что имеет причину, является скучным и неплодотворным. Высказывание «дом – это дом» не есть философская тавтология. Повторение же того, что не имеет причину, является плодотворным, ибо оно требует усилий. Например, усилие мысли нуждается в пространстве пустых слов.

Пустые слова

У каждой философии есть своя мелодия. Мелодия – это ключевая метафора. Философия без метафоры – это как корова без вымени, без молока. В ней смысла нет. Метафора – исток, образ, то, откуда берет свое начало мышление. Чтобы появилась метафора в языке, нужны пустые слова. Философия обожает пустые слова. Например, «бытие» – пустое слово, «я» – пустое слово. Благодаря этой пустоте можно сказать: я – дом, я – солнце, я – зверь, потому что я – ничто из того, что есть.

В философии, как в музыке, есть свой контрапункт. Этот контрапункт задается обменом негативностью. Например, радость – это не горе, а горе – это не радость. Радость возвышает, горе низвергает. Но иногда антонимы вступают в позитивный обмен смыслами. Например, ты ждешь повышения по службе, а все места заняты, и вот умирает твой друг, место для тебя освобождается. Между радостью и горем происходит обмен смыслами. И ты испытываешь горькую радость. Так ты узнаешь о существовании абсурда.

Абсурд

Каждая философия несет в себе свой абсурд, благодаря которому освобождается не языковое в языке. И истина оказывается не истиной, а ложью. Равно как заблуждение оказывается не заблуждением, а истиной. Благодаря философии мы узнаем о существо-

вании мира, в котором нет ни лжи, ни истины. Этот мир иногда называют миром симулякров. Любое начинание, всякий первый шаг рождается в состоянии, о котором ничего нельзя сказать на языке истины.

Философия без парадоксов – это не философия, а инструкция. Абсурд выводит философию за пределы языка к молчанию. Любая философская мысль пульсирует между тавтологиями и абсурдом.

Ускользящая философия

Чтобы сегодня понять, что такое философия, нужно научиться читать философские тексты, чтобы потом убедиться в том, что философ – это не тот, кто умеет читать эти тексты, а тот, кто умеет говорить о том, о чем невозможно молчать.

Нужно научиться говорить, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет говорить красиво, а тот, кто умеет слушать.

Нужно научиться слушать, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет слушать, а тот, кто умеет молчать.

Нужно научиться молчать, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет молчать, а тот, кто умеет грезить, сопрягая грезы со словом или поступком, соединяя видимое и невидимое, языковое и безъязыкое. Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность. Эту возможность ему дают грезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

(e-Univers.ru)